

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Роберт Айкс

ВЕЛИКИЕ ТАНКОВЫЕ СРАЖЕНИЯ

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

1939—1945

Роберт Айкс

**Великие танковые сражения.
Стратегия и тактика. 1939-1945**

«Центрполиграф»

2008

Айкс Р.

Великие танковые сражения. Стратегия и тактика. 1939-1945 /
Р. Айкс — «Центрполиграф», 2008

Книга посвящена главной ударной мощи сухопутных сил – танковым войскам. Автор реконструировал основные танковые сражения Второй мировой войны, подробно рассказал о предыстории создания и послевоенном развитии бронетанковой техники, дал характеристику различных видов и типов танков, уделяя большое внимание броневой защите и параметрам танковых орудий, их маневренности в конкретных ландшафтах. Издание снабжено картами, схемами и фотографиями.

© Айкс Р., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Часть первая	5
Принципы ведения войны	5
Идея применения танков	11
Влияние авиации и танковых войск на ведение войны	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роберт Айкс

Великие танковые сражения.

Стратегия и тактика. 1939—1945

*Посвящается моей жене Гертруде, без ангельского терпения
которой эта книга никогда бы не была написана*

Часть первая

Введение в танковую войну

Принципы ведения войны

Точное и объективное описание конкретного сражения, даже основного хода исторических событий, встретишь редко. Военные записи бывают излишне эмоциональны. Мемуары иногда подаются тенденциозно – для того чтобы представить их авторов (или одну из сторон) в наиболее выгодном свете. История конкретной воинской части зачастую не отражает время, место и расположение войск. Национальная гордость и политика могут влиять на отчеты о событиях, которые приукрашиваются, а личные воспоминания страдают ограниченностью, хотя нередко и добавляют дополнительные и необходимые краски в картину событий.

Даже в более спокойной атмосфере гражданской жизни бывает разброс мнений после какого-либо события в отношении его причины и оказанного влияния, а также времени и места. Насколько больше вероятность того, что описание событий сражения, когда люди в напряжении, измотаны и боятся скорой и ужасной смерти, страдает субъективностью и не всегда верно. Удивительно то, что в бою люди способны действовать столь же разумно, как они это делали всегда, и помнить все так же отчетливо, как и в обычной жизни. Основой для этого является моральный дух или гордость, а частично – подготовка и дисциплина.

Следовательно, для синтеза описаний боевых действий требуется приведение к общему знаменателю зачастую противоречивых источников, принятие точки зрения большинства или наиболее правдоподобного из нескольких описаний событий. Историков всегда можно обвинить в том, что им не удастся предоставить своим читателям во всей полноте описываемые события, для того чтобы читатель мог оценить значимость этих событий. Поэтому при подготовке этой книги представлялось, что описания различных сражений выиграют, если будут пересмотрены принципы ведения сухопутной войны, которые существуют с незапамятных времен, и тактика, используемая для их воплощения, после того как на полях сражений утвердились танки и самолеты.

На протяжении столетий были известны девять принципов успешного ведения войны. В разных странах эти принципы формулируются по-разному; в Соединенных Штатах они известны как принципы цели, сосредоточения, маневра, единого командования, простоты, экономии силы, безопасности, внезапности и наступления. Хотя хорошо известно, что принципы ведения войны часто игнорируются или неверно интерпретируются.

Именно эти принципы ведения войны взяты за основу тактики и искусства боя. Подобно принципам ведения войны, принципы тактики на протяжении истории изменились не так сильно. Менялись вооружение, средства связи и другая техника, но принципы их применения остались во многом прежними. Но поскольку эти принципы применяются в самых различных географических условиях и с по-разному вооруженными солдатами, начиная от копейщика,

меченосца, лучника и конника и кончая пулеметчиком, стрелком, танкистом, парашютистом или летчиком, можно наблюдать почти бесконечное разнообразие военных операций. К этому разнообразию условий, вооружений и личного состава следует добавить элементы человеческого фактора – страх, усталость, моральный дух, дисциплину, подготовленность и опыт, скрытую неприязнь и зависть, недопонимание, ложную гордость, гнев при противодействии намеченным планам, отчаяние, предательство и политику, а также панику, скопление гражданских беженцев, эффективность снабжения (или его отсутствие), трения между Верховным командованием и войсками на фронте, капризы погоды и т. д. На ведение боевых операций влияют характер местности (прежде всего рельеф), очертания побережья, приливы и отливы, оросительные и осушительные системы, растительность, почвы, климат и погода, а также созданные человеком отличительные особенности, такие как транспортная сеть и различные поселения, и еще много других деталей. Таким образом, можно видеть, что, казалось бы, хорошо понятные принципы ведения войны на практике реализуются зачастую непредсказуемо.

Большинство операций с точки зрения военной тактики состоят из общего наступления, конкретных атак, преследования, обороны, сдерживающих действий и отхода. Атака может происходить прорывом, или фронтальным штурмом, или просачиванием. Немцам принадлежит заслуга разработки системы атаки просачиванием небольших групп солдат, пробивающихся через позиции противника незамеченными для того, чтобы потом соединиться и собрать силы. Русские стали мастерами подобных действий двадцать пять лет спустя, во время Второй мировой войны, когда немцы обнаружили, что почти каждое русское наступление предварялась просачиванием отдельных бойцов и небольших подразделений.

Поскольку фронтальная атака, очевидно, дается дорогой ценой, наступление часто осуществляется обходным маневром или охватом одного или обоих флангов противника. Любые формы атаки могут представлять собой вариации или могут существовать в виде комбинаций. Охваты, как правило, проводятся на поверхности земли, но в истории есть много примеров охватов другого рода. Один из них, который может быть назван «подземным охватом», предполагает проведение подкопа или рытье туннеля. Другие, более близкие к нам примеры касаются охватов по воздуху и по воде.

Есть две принципиальные формы обороны – активная и пассивная. Активная оборона состоит скорее из серии сдерживающих действий небольших мобильных частей или ряда опорных пунктов, чем действия по срыву наступления противника на непрерывной линии обороны. Мобильные резервы используются гибко, так как они нужны для поддержки опорных пунктов обороны или промежутков между ними или же для контратаки. Этот тип обороны разработали в период Первой мировой войны те же немцы, и с тех пор он был принят почти повсеместно. Такая оборона развивается в глубину и задумана как закрученная пружина, которая, расправляясь или сжимаясь, нагнетает напряжение для контратаки. Пассивная оборона бывает двух типов – фронтальная и круговая (или оборона периметра), ее иногда называют «оборона загнанной в угол крысы».

Сдерживающие оборонительные действия являются средством для того, чтобы выиграть время для отхода. Для отхода важно суметь выйти из боя. Для наступающей же стороны важно преследование с целью дезорганизации ошеломленного противника, пытающегося вести сдерживающие боевые действия или совершать упорядоченный отход.

Угроза со стороны резерва или специальных сил означает, что противник подобным же образом должен держать наготове контррезерв. Если не знать о его существовании, размере или месте расположения, резерв становится даже еще более существенной силой. Линии коммуникаций и снабжения должны быть защищены. Степень защиты варьируется и зависит от того, расположены они на своей или на вражеской территории.

В современной войне нет непрерывной линии боевых действий. Пехотный батальон численностью от восьмисот до тысячи солдат может оборонять главный рубеж примерно в 2400

метров с расстоянием около 400–500 метров между опорными пунктами. Однако в атаке плотность иная и батальон может покрывать фронт лишь на ширину от 500 до 1000 метров. Потери, естественно, сокращают эти расстояния или приводят к тому, что районы обороняются более редкими силами.

Формальная система разделительных линий была принята в Первую мировую войну, чтобы отметить зоны ответственности между мелкими и крупными частями и соединениями, потому что это было признано желательным при сомкнутых боевых позициях и линиях траншей, существовавших в то время. Разделительные линии ответственности продолжали с тех пор использоваться, хотя в быстро развивающемся типе маневренной войны их ценность сомнительна.

Говорят, что тактика состоит в своей основе из ведения огня и маневра, использования фактора неожиданности или, наоборот, его недопущения, последнее известно под названием «безопасность». Для того чтобы суметь использовать фактор внезапности, требуются воображение и находчивость. Недопущение внезапности состоит в том, чтобы принять как меры предосторожности технического характера, так и обмана противника. Оно также включает в себя выявление на местности позиций противника, информацию о нем, о его материальных и физических возможностях и возможном образе действий. Считается непростительным быть застигнутым противником врасплох. Успешный тактик должен предотвратить подобное (пытаясь в то же время сделать это в отношении врага).

Артиллерия используется для огня (прямой наводкой и с закрытых позиций) против артиллерии, пехоты, танков и других войск противника или против его складов снабжения и других тыловых объектов. Но исход битвы почти всегда определяется находчивостью каждого отдельного пехотинца со своей винтовкой, пулеметом или автоматом, потому что только он может удерживать однажды взятую позицию. Все прочие рода войск и службы дополняют такого бойца, позволяя ему вести успешную борьбу с противником.

На заре истории войн ратники сражались плечом к плечу. По мере непрерывного совершенствования оружия расстояние между ними постепенно увеличивалось. В конце концов это привело к принятию определенных построений для рассредоточения и использования преимуществ характера местности и укрытий. Такие построения также предназначены для того, чтобы сохранять контроль в таких условиях, как боевые действия в лесу, в тумане, при задымленности, ночью, в реке и на переправе, при высадке с моря и во многих других. Эти построения и применяемая базовая тактика одни и те же в отношении как малых, так и крупных подразделений. Все это может различаться в деталях и зависит от ситуации и используемого вооружения.

Пехотное отделение из двенадцати человек может выполнять обходной маневр с фланга, наступать скачкообразно или просачиванием. По мере увеличения размера подразделения каждая отдельная часть может продолжать действовать в соответствии с базовыми принципами тактики на местности или согласно складывающейся ситуации. Между тем более крупное подразделение (или несколько подразделений) могут подобным же образом выполнять различные тактические маневры. В более крупных подразделениях и частях задействуются дополнительные вооружения – минометы, артиллерия, бронемашины, а также подразделения инженерных войск и связи, артиллерийско-технического обеспечения и ремонта, службы аэрофотосъемки и топографии, медицинские службы, морские силы, партизаны, средства пропаганды и многие другие подразделения, каждое из которых вносит свой вклад в достижение главной тактической цели.

Подразделения и части различной численности могут атаковать (в т. ч. огнем) каждую вражескую часть на своем пути или обходить ее – для того чтобы не терять темп атаки, оставляя зачистку обойденных пунктов и районов сопротивления противника двигающимся вслед волнам своих войск. Это тоже фундаментальные основы тактики просачивания.

Несмотря на то что мелкие подразделения, такие как отделение, обычно так не делают, более крупные оставляют в бою часть своих сил в качестве поддержки или резерва. Силы поддержки используются для того, чтобы идти вслед за атакующими передовыми подразделениями, с тем чтобы обеспечивать стремительность атаки, поддерживать ее темп и мощь. Резерв представляет собой дополнительные силы, придерживаемые на крайний случай для окончательного завершения атаки или вводится для того, чтобы отбить контратаку противника в тот момент, когда видно, что атака захлебнулась. Таким образом, при изучении боевых действий существование такой поддержки и такого резерва должно иметься в виду, даже если о них специально не упоминается.

Как правило, та сторона, которая достигает решающего превосходства в каком-либо виде вооруженных сил и использует его грамотно, имеет больше шансов на победу. Как однажды сказал Наполеон: «Бог на стороне лучше вооруженных батальонов». Это верно, однако только при умелом их использовании. В истории есть масса примеров победоносных действий войск, уступавших в численности, – потому что ими грамотно управляли или же они правильно и эффективно использовали данное им оружие. Битва при Каупенсе в Южной Каролине (1781 год. – *Ред.*) во время Войны за независимость США – небольшой классический пример, который можно назвать пассивным охватом. В ходе него американский командующий генерал Дэниэл Морган атаковал с фланга неопытные английские войска небольшим числом закаленных в боях американских войск таким образом, что, когда плохо подготовленные американские войска в центре были сломлены британской атакой, опытные войска США на флангах держались так, что естественный ход битвы вел к их победе через охват войск противника в центре. Американский командующий верно оценил свои силы и действовал соответственно.

Обычное стандартное атакующее тактическое соединение состоит из двух частей первого эшелона и одной части поддержки. Но иногда для фронтальной атаки (штурма), где необходим максимум усилий, может быть выделена всего одна атакующая часть и две (или более. – *Ред.*) части, наступающие вслед за ней с целью поддержания натиска на противника. Атака через лес или ночью, или на противника, расположение которого неясно, может производиться в построении колонной. В любом случае идущие следом волны наступающих могут повторять построения первоначальной волны для того, чтобы поддержать первоначальную атаку, или могут наступать в каком-то другом построении.

Численность войск (своих и противника), местность и общая ситуация обычно имеют главенствующее значение, но иногда имеет значение ход мыслей и личность командира. Многие атаки проваливаются из-за недооценки сил противника или его морального духа, или неспособности использовать успех, или даже из-за ввода в бой всех наличных сил только потому, что они были под рукой (и поэтому, когда противник контратаковал, не осталось резервов. Все это азбучные истины, существовавшие с незапамятных времен, и в результате приходилось расплачиваться дорогой ценой напрасно загубленных жизней).

Общий недостаток военных командиров состоит в том, что они вызубрили установленные правила и шаблоны тактики и всегда пользуются ими совершенно одинаково вне зависимости от конкретных обстоятельств. Так часто происходило во время обеих мировых войн XX века. Такие командиры упрямо настаивают на определенном ходе боевых действий, когда провал их уже очевиден. В учебниках по тактике полно технических деталей «одобренных» построений и клише в виде правил (и примечаний к ним) на все случаи жизни. Диаграммы точного построения для использования в данных условиях интересны и могут быть выучены наизусть. В бою слишком часто войсками управляют по методике из учебника, вместо того чтобы руководствоваться здравым смыслом и принципами ведения войны. Не секрет, что действовавшая в 1951 году в Корее армия коммунистического Китая опубликовала документ, в котором отмечалось, что методы американцев всегда отличались тем, что предусматривали определенный день проведения атаки и единую последовательность воздушных бомбардиро-

вок, артиллерийских обстрелов, ввода в бой бронетехники и, наконец, атаки пехоты. При использовании таких методов не было места для фактора внезапности, а в результате ненужные потери в личном составе и технике, не говоря уже о том, что действующие по шаблону войска подвергаются опасности быть разгромленными.

Правила и «одобренные решения» проблем планирования для мирного времени важны, а знание оружия и техники крайне необходимы. Но бывают моменты, когда об учебнике следует забыть, а ситуацию, с которой сталкивается командир, следует оценить по-новому и применить единственно верное средство. В игру должны вступить находчивость и, что более важно, знание человеческой натуры.

Одна из проблем, с которой сталкиваются командиры в бою, касается контроля над ситуацией. Само собой разумеется, что разведанные или иная информация о противнике должны направляться в тыл – для высшего командования, в то время как встречный поток информации должен следовать из тыла на фронт. Если командир любой войсковой части или подразделения, больших или маленьких, не будет постоянно получать необходимую информацию и не будет в курсе того, что происходит, он будет не в состоянии в нужный момент принять верное решение. Театр военных действий в современной войне очень велик, и прошло то время, когда командир любого, даже самого мелкого, подразделения мог определить, какой оборот принимает сражение.

Тем не менее командир не может обойтись без определенной разведки на своем уровне, но для получения более подробных сведений он должен полагаться на более масштабные средства. Они включают в себя разведку, проводимую разведотрядами численностью от нескольких до многих солдат, или даже разведку боем объединенными усилиями различных родов войск. Воздушная разведка, конечно, имеет величайшее значение, заменив собой конные разъезды прошлых лет.

Проблемы контроля и безопасности особенно трудны в случае ночных операций, когда снижается темп и глубина операции. Опыт показывает, что в ночных операциях потери обычно выше, хотя цель часто оправдывает средства. В армии США после начала корейской войны в боевой подготовке акцентировалось внимание на ночных операциях, и на это уходила треть времени всей боевой подготовки. Но позднее, подобно многим учебным занятиям, необходимость которых была доказана Второй мировой и корейской войнами, такие занятия сошли на нет.

Меры безопасности при наступлении по дороге или по бездорожью требуют, чтобы разведотряды или передовое охранение двигались впереди главных сил, а также чтобы разведотряды и боевое охранение выдвигались вперед от главных сил и параллельно им. Это делается для того, чтобы предотвратить внезапное нападение противника, а также для того, чтобы дать главным силам время для развертывания из походного в боевой порядок, если понадобится. Сегодня в этой роли иногда используются вертолеты. На привале по этой же причине выставляются посты. В бою каждая часть поддерживает связь с соседними частями с каждой стороны. Если это фланговая часть, она должна также иметь наготове значительные силы для того, чтобы не допустить или сорвать охват своего фланга противником или его обходной маневр. В районе сражения, где противоборствующие силы вошли в боевой контакт, обе стороны прибегают к разведке для того, чтобы выявить и определить расположение противника, распознать противостоящие друг другу части, захватить и допросить пленных. Как уже говорилось, в разведке может быть задействовано лишь небольшое число людей или, при определенных условиях, это может быть разведка боем. В этом случае она может представлять собой небольшую скоординированную операцию с привлечением частей всех родов войск. Или, как во время Первой мировой войны в условиях окопной войны, обе стороны могли прибегать к рейдам в траншею противника, на которые затрачивалось минимальное время (при скоординированных операциях по сбору информации).

Даже краткое рассмотрение вопроса о тактике будет неполным без обращения к партизанской войне. Хотя партизанская тактика далеко не нова, она все чаще и чаще используется в последнее время, как отдельно, так и во взаимодействии с обычными боевыми действиями. Одно из лучших описаний этого вида военных действий содержится в труде Мао Цзэдуна «Ю Чи Чань» («Стремительная и сокрушающая война»), который частью основывается на учении древнекитайского военного мыслителя Сунь-цзы (VI–V века до н. э.).

Мао пишет: «Стратегия партизанской войны явно отличается от той, что применяется в традиционных военных операциях. В партизанской войне нет такой вещи, как решительное сражение; нет ничего сравнимого с неподвижной пассивной обороной, которая отличает традиционное ведение войны. Главные отличительные черты разведки, основного принципа развертывания и развития атаки... не имеют ничего общего с партизанской войной». Мао продолжает: «Избрать тактику, создающую впечатление атаки с востока и с запада; избегать крупных сил, атаковать слабые; атаковать и отходить; наносить молниеносный удар; искать мгновенного решения. Когда партизаны ведут бой с более сильным противником, они отходят, когда он наступает; надо беспокоить его, когда он останавливается; наносить ему удар, когда он слаб; преследовать его, когда он отходит. В партизанской стратегии фланги и тыл противника – его жизненно важные места, и он должен быть измотан, рассеян, изнурен и уничтожен... Главное в атаке – ее бешеный натиск и обманный характер». Мао также отмечал, что в любой партизанской войне с Западом восточное терпение одержит верх над западным нетерпением при явном отсутствии решения. Истерия в Соединенных Штатах в 1970 и 1971 годах вокруг требований «положить конец войне» во Вьетнаме служит доказательством того, насколько верна вышеупомянутая оценка.

Финны в войне с Россией (30 ноября 1939 – 13 марта 1940 года) разработали тактику партизанской войны, которая подходила для их страны озер, болот, густых лесов и суровых зим. Одна из ее разновидностей называлась «молти». Она заключалась в операции против растянутых и привязанных к дороге колонн наступающих советских войск. В такой операции было три этапа. Первый этап (он продолжался и в ходе последующих этапов) состоял из разведки и блокирования. Небольшие финские отряды беспокоили противника, обычно ночью, применяя тактику нападения и отхода, устраивая подрывы и устанавливая мины, атакуя и быстро выходя из боя. Второй этап состоял из нескольких внезапных весомых фланговых ударов с целью расколоть колонну противника на несколько изолированных друг от друга небольших частей. Это возможно было сделать ночью или во время снежной бури, когда отдельные атаки производились одновременно. Идея состояла в том, чтобы разрезать вражескую колонну на мелкие группы, которые затем выдохнутся в попытках прорваться. Каждая из таких групп в конечном счете разбивалась на все меньшие горстки, которые затем уничтожались.

Во время Второй мировой войны югославы и русские широко использовали партизан, которые беспокоили тылы немцев, чтобы затруднить их действия, в пропагандистских целях, во взаимодействии с регулярными силами и в качестве своего рода «ку-клукс-клана» для наказания всякого жителя оккупированных территорий, который сотрудничал с немцами. Американцы и южновьетнамцы столкнулись точно с таким же видом партизанской войны в Азии.

История богата примерами типов ведения войны и еще больше идеями на этот счет. Во всех них принципы ведения войны очевидны. Они не всегда сбалансированы, и иногда храбрый командир игнорирует один или более таких принципов в чрезвычайных обстоятельствах. Но ни один командир и ни одна нация не может их игнорировать, не рискуя потерпеть поражение.

Идея применения танков

Слово «танк» настолько вошло в обиход, что из-за внешнего сходства с танками так называют даже те броневые машины, которые по сути танками не являются. При этом некоторые машины, не являющиеся танками, могут быть использованы как танки. Следовательно, именно функции, которые выполняет машина, а не ее внешний вид делают ее танком.

Как правило, люди не видят многих отличий или же в силу особенностей человеческой природы уделяют внимание общим названиям, игнорируя частные. Может быть, потому, что энтузиасты военного флота и военной авиации лучше выражают свою увлеченность, чем это делают любители танков, обычные люди, как мы видим, без труда отличают истребитель от бомбардировщика или крейсер от авианосца и эсминца. Однако у танков столь же много разновидностей, которые, как и в других случаях, зависят от выполняемых ими функций.

Слово «танк» должно было бы ограничиваться значением, которое выражается словосочетанием «основной боевой танк». Такая машина призвана наносить удар по противнику с расстояния и быстро сближаться с ним, будучи защищенной от его огня внушительной броней. Штурмовое орудие (или самоходная артиллерийская установка) может походить на танк, но у нее, как правило, более тонкая броня, и САУ призвана прежде всего оказывать поддержку своим танкам и пехоте огнем, двигаясь за ними и ведя огонь по противотанковым пушкам и другим противотанковым средствам противника.

В ходе Первой мировой войны, когда появлялись все более удачные модели танков, устаревшие их типы иногда переделывали в машины снабжения. Тогда в силу острой нужды в тягачах и ремонтно-эвакуационных машинах, которые должны были быть сопоставимыми с боевыми танками по весу, подобные машины оборудовались на базе старых боевых танков, так же как и командирские машины, машины радиосвязи и машины для транспортировки войск.

После Первой мировой войны были сконструированы несколько других типов экспериментальных машин, но во время Второй мировой войны широкое распространение получили специализированные бронированные машины. Различать их между собой для немцев стало настолько обременительно, что у них слово Panzer (броня) приобрело значение «бронетанковый» и стало употребляться для обозначения танков и их экипажей, а также машин, которые оказывают им поддержку. Слово было настолько в ходу, что союзники приняли слово Panzer (armor) для обозначения тех же вещей. В войсках США во Вьетнаме вместо него использовали слово tracks (гусеницы).

Первоначально танки подразделялись на легкие, средние и тяжелые, а позднее на танки с легкой пушкой, танки со средней пушкой и танки с тяжелой пушкой. По выполняемым ими функциям танки также делились на разведывательные, десантные, тяжелые танки огневой поддержки пехоты, основные танки и танки – истребители танков. В каждой стране разработана своя собственная тактика применения танков, поэтому боевые функции танков могут различаться в зависимости от страны и машин, сконструированных для выполнения этих функций.

Так, например, существовали танкетки, которые позднее превратились в пулеметные бронемашины, а те, в свою очередь, были использованы для разведки. Есть минометные бронетранспортеры, машины наблюдения, командирские бронемашины, кабелеукладчики, огнеметные танки и бронемашины, самоходные артиллерийские установки, машины запуска двигателей и подзарядки (для электрических систем или более крупных машин), управляемые по проводам (или радио) роботы-подрывники, машины снабжения и других назначений.

Бронированные машины (танки), которые могли ездить и на гусеницах, и на колесах, были популярны в период после Первой мировой войны. Во время Первой мировой войны танковые гусеницы были очень недолговечными, обычно их хватало не более чем на 80—100 км. Тяжелые танки, по возможности, перевозились на поездах, а легкие танки транспортирова-

лись на грузовиках, чтобы поберечь быстро изнашиваемые гусеницы. Для решения проблемы с короткой службой гусениц были изготовлены колесные и гусеничные машины других конструкций, но большинство из них были непрочными, за исключением тех, что предназначались для американского танка «Кристи», у которого были большие опорные катки или ходовые колеса, с которых гусеницы легко снимались. Но когда стали делать более износостойкие гусеницы, машины с комбинацией колес и гусениц делать перестали, и даже машины на основе танка «Кристи» уже больше не отличались способностью к трансформации. Танковые гусеницы во время Второй мировой войны не изнашивались после полутора тысяч километров и более, в то время как жизнь современных гусениц в несколько раз длиннее и этого пробега. Японцы также конструировали машины на гусеничном ходу, которые они использовали во время своей Маньчжурской кампании.

Танки-амфибии также совершенствовались, они обычно были легкого типа, с пропеллерами или гребными винтами, хотя легкие танки (LVT) Второй мировой войны приводились в движение в воде от движения их гусениц. Сегодня танки-амфибии часто приводятся в движение водометным двигателем. Однако и обычные танки сегодня оснащены приспособлениями для преодоления водных преград, иногда они двигаются, погруженные полностью под воду, когда над водой видна только верхняя часть трубы, через которую осуществляется забор воздуха для двигателя и выброс выхлопных газов.

Уже упомянутое штурмовое орудие САУ – еще один вид бронемашин, которая существует во многих разновидностях. Основное ее вооружение может различаться по калибру, который может достигать 305 мм и более. Некоторые САУ ведут огонь реактивными снарядами или ракетами, как одиночными, так и очередями. Минометы на бронемашинах используются не только при обычном высоком угле выстрела, но и для стрельбы осветительными снарядами ночью – для того чтобы танковые и другие орудия могли вести огонь более прицельно. Истребители танков относятся к категории самоходных артиллерийских установок, так же как и многие виды зенитных установок, используемых для защиты танков и других войск от атак с воздуха.

Существуют танки – ликвидаторы мин, использующие катки, тралы, трамбующие приспособления, взрывчатку, плуги, ковш бульдозера, специальные «грабли» и бороны, а также танки с усиленной ходовой частью, выдерживающей взрывы мин. Некоторые из них могут нести и устанавливать указатели проходов в минных полях (или для этой цели могут быть выделены отдельные машины). Существуют танки-мостоукладчики, прокладчики дорог, трамбовщики, кабеле-укладчики, постановщики мин, ремонтные, прожекторные и другие типы машин, а также бронетранспортеры.

Во Вьетнаме войска США, Австралии и южновьетнамские войска по-разному использовали бронетранспортеры, часто в качестве легких танков-амфибий. Таким образом, хотя бронетранспортер и сконструирован для транспортировки войск, выполняя вышеупомянутые функции, он становился танком.

В свете всех этих вариантов понятно, что слово «танк» настолько прочно вошло в обиход потому, что из-за общего внешнего сходства всех бронемашин их называют танками, даже если они таковыми не являются, а машины, которые не являются танками, иногда используются в качестве танков. И подобным же образом вполне уместно использовать слово «бронетехника» в качестве общего термина, поскольку оно, как и «танк», является словом, дающим общее понятие.

Идея применения танков вписывается в концепцию мобильной огневой мощи. Танк и самоходная артиллерийская установка – двоюродные брат и сестра, но первый отличается главным образом тем, что его броня, как правило, толще, то есть экипаж защищен надежнее.

Изначальной концепции мобильной боевой мощи по меньшей мере 3500 лет, и она уходит в прошлое к боевым колесницам на конной тяге, которые были представлены на поле боя

еще до того, как стала применяться конница. Боевые колесницы встречаются почти в каждой древней цивилизации. Они были нескольких типов: легкие двухколесные и незащищенные и более тяжелые четырехколесные повозки, иногда защищенные кожаными или бронзовыми листами. Экипажи состояли из возницы и одного или более метателей дротиков или лучников, каждый из которых обыкновенно был защищен доспехами своего времени. Слоны также использовались как древняя форма мобильной боевой мощи, подвижные осадные башни раннего периода истории также могли быть отнесены к этой категории.

Боевые повозки, запряженные лошадьми изнутри, а не снаружи, представляли еще один, более поздний вариант. Первая такая повозка, как полагают, была изобретена в VI–V веках до Рождества Христова Сунь-цзы. Эти уникальные повозки были покрыты кожаной броней.

Рыцарь в доспехах многими рассматривается как еще один пример воплощения концепции мобильной боевой мощи. Он исчез с полей сражений с появлением огнестрельного оружия, после чего люди вернулись к идее защищенных боевых повозок. Боевая машина Леонардо да Винчи была усовершенствованием более ранних боевых повозок, и ее защитная оболочка была такой формы, при которой углы отражения снарядов противника даже сегодня считались бы приемлемыми с точки зрения баллистики. О своих боевых повозках Леонардо да Винчи писал: «Я сооружаю безопасные и защищенные колесницы, которые неуязвимы, и, когда они со своими пушками врываются в гущу врага, должны будут отступить даже самые большие массы людей, а за этими колесницами может следовать пехота – в безопасности и не встречая сопротивления».

На протяжении Средних веков время от времени появлялись крытые повозки такого типа, приводимые в движение лошадьми или людьми. (Например, боевые повозки чешских таборитов начала XV века. – *Ред.*) Такие, запряженные лошадьми повозки фактически использовались в американских колониях во время войны в XVII веке. Но поскольку огнестрельное оружие продолжало совершенствоваться, для боевых повозок возникла необходимость в механической тяге.

С развитием паровых двигателей их приспособили для колесных машин. Одна из первых такого рода военных повозок на механической тяге была запатентована Дж. Кауэном в Англии во время Крымской войны.

Несколько лет спустя, во время Гражданской войны в Америке, Росс Уинанс и Чарльз С. Дикинсон изобрели паровую батарею, которую они построили в Балтиморе. Будучи сторонниками южан, они попытались переправить ее в Харперс-Ферри, чтобы помочь Конфедерации, но машина была перехвачена федералами. Хотя батарея и была на конской тяге, она была вооружена своеобразной, приводимой в действие паром механической пушкой, которая могла выстреливать чугунными шарами из загрузочной воронки. Эта воронка имела вид конусообразного канала, по которому шары скатывались в чашеобразное приспособление на колесе, вращавшемся с бешеной скоростью, и шары выбрасывались, как бейсбольные мячи. Эта часть механизма, так же как и управлявший им человек, были защищены броневым листом.

Сочлененная гусеница на смену колесам была изобретена Томасом Жерменом в 1801 году, но не нашла практического применения в отсутствие сколь-нибудь подходящих двигательных средств. (Гусеничный ход современного типа был запатентован в 1837 году русским изобретателем Д. Загряжским. – *Ред.*) Только в 1880-х годах пар был использован для гусеничной машины в американском сельскохозяйственном тракторе Бакстера (первый гусеничный трактор с двумя паровыми машинами был построен и в 1888 году испытан русским изобретателем Ф.А. Блиновым. – *Ред.*), но не предпринималось никаких попыток найти этому военное применение. И это происходило примерно в то же время, когда французский иллюстратор Альберт Робидо предвидел механизированную войну с использованием таких машин, а знаменитый английский писатель-фантаст Г.Дж. Уэллс придумал самоходную бронированную машину для военных целей («Война миров». – *Ред.*). Но первой использовавшейся на прак-

тике машиной этого типа стал частично бронированный трехколесный автомобиль с бензиновым двигателем Дэвидсона – Дюрье (1898 год). Первой полностью бронированной самоходной машиной, применявшейся на войне, был паровой трактор Фаулера, построенный в Англии для использования в Англобурской войне. Это была 25-тонная машина, использовавшаяся в качестве сухопутного локомотива для того, чтобы везти поезд из бронированных прицепов. Каждый из прицепов мог перевозить тридцать человек или одно полевое орудие.

Но трактор Фаулера, а позднее и значительное количество бронированных машин на базе автомобилей с паровыми или бензиновыми двигателями все еще были колесными машинами, хотя и были логическим продолжением в развитии мобильной огневой мощи. Военные машины, двигавшиеся на гусеницах, не скоро стали реальностью. Английский трактор Хорнсби начала XX столетия был представлен на испытания исключительно как тягач для артиллерии, а не в качестве боевой машины. Подобным же образом американские тракторы Холта и Беста появились в Соединенных Штатах всего лишь в качестве сельскохозяйственных машин. Казалось, никто не задумывался о том, чтобы превратить один из них в боевую бронемашину, до тех пор пока в 1911 (1912 год. – *Ред.*) году это не предложил сделать офицер австро-венгерской армии. (Первый проект танка был разработан в 1911 году инженером В.Д. Менделеевым (сыном великого химика); до 1915 года В.Д. Менделеев предложил несколько вариантов «сухопутных крейсеров», намного опережавших свое время. – *Ред.*)

Эта танкообразная машина, сконструированная майором (лейтенантом. – *Ред.*) Гюнте-ром Бурштыном, была гусеничной машиной, созданной под впечатлением увиденного им американского трактора Холта. В ней были предусмотрены броневое покрытие и вращающаяся башня, и она была на гусеницах на рессорной подвеске. Два колеса спереди и два сзади были посажены на вытянутые рычаги, которые представляли собой нечто вроде двойных подпружинивающих опор для форсирования траншей, поднимаясь и опускаясь в зависимости от рельефа. Задняя пара колес была ведущей, в то время как передняя пара помогала рулить. Предлагаемая Бурштыном машина была около 3,6 м длиной, 1,4 м шириной и 1,4 м высотой. В его проекте боевая машина была способна вмещать экипаж из трех-четырех человек, но это было бы невозможно из-за ее небольших размеров, потому что для двигателя, трансмиссии и вооружения также требовалось много места. Тем не менее в своей основной конструкции эта машина не сильно отличалась от других созданных в это время машин. Машина Бурштына никогда не была построена, кроме как в виде модели, но двадцать лет спустя в Англии было создано очень похожее устройство для перехода через траншеи, изобретенное Николасом Штраусслером и приспособленное для оправдавшего себя 6-тонного танка Виккерса.

Бурштын не смог заинтересовать начальство и не получил патент. Хотя он приобрел немалую известность в Европе, очень немногие военные, если где-либо таковые вообще находились, обнаруживали что-либо достойное внимания в его идее, и большинство военных спесов того времени высмеивали его. Но его эксперимент ненамного отличался от того эксперимента, который спустя некоторое время проделал один молодой австралиец.

Л.А. де Моль, гражданский инженер, работавший на пересеченной местности, проникся идеей использования гусениц для передвижения в таких районах. Затем он усмотрел возможность военного применения своей конструкции и направил эскиз в британское военное министерство. Вскоре после этого он смастерил металлическую действующую модель, к которой прилагались подробные чертежи. Их он также направил в военное министерство, но получил назад в 1912 году с вежливым отказом. Внешне машина де Моля напоминала британские тяжелые танки последовавшей Первой мировой войны. Однако гибкое управление гусеницами было неотъемлемой частью конструкции, за счет вертикально подвешенных гусеничных «рогов». Восемь лет спустя подобный же способ управления посредством так называемых «змеиных гусениц» был использован на экспериментальных британских танках, а через тридцать лет тот же принцип в модифицированной форме использовался в вездесущем британском

универсальном транспортере («Юниверсал-Кэрриэр», вес 3,7 т, вооружение 2 пулемета 7,7-мм «Брэн» или 1 пулемет и 1 ПТР «Бойс» 13,9 мм. – *Ред.*). По иронии судьбы, когда де Мольте прибыл в Англию после начала Первой мировой войны (с целью снова обратиться в военное министерство со своим предложением), он не только не добился успеха, но дело кончилось тем, что де Мольте был зачислен в британскую армию пехотинцем.

Германская фирма предложила гусеничную бронемашину германскому военному министерству в 1913 году. Она представляла собой сигарообразный корпус на двух гусеницах. Были представлены эскизы, но предложение было отклонено. В это время немцы чувствовали, что, случись война, она будет очень короткой, продолжительностью не более трех месяцев. Они были совершенно уверены в успехе в такой войне с имевшимся у них вооружением.

Некоторые военные аналитики еще в 1893 году полагали, что пулемет будет оказывать решающее влияние во всякой войне в будущем. Русско-японская война в 1904–1905 годах отчасти развеяла этот прогноз, как указывали военные обозреватели в своих отчетах и последующих статьях в военной прессе. Но эта точка зрения не только не была общепринятой, но и те, кто ее придерживался, за исключением немцев, в результате подвергались осмеянию. Первая мировая война должна была показать, насколько верны были предсказания (в том числе и то, как близки были немцы к победе). (Победа действительно уплыла у немцев из рук – в 1914 году из-за ошибок в битве на Марне, героизма французских солдат под Парижем и русских в Восточной Пруссии и в Галицийской битве, а в 1915 году русские войска при острой нехватке снарядов и патронов устояли под ударами немцев и австро-венгров. Позже поражение Германии стало вопросом времени. – *Ред.*) Пулеметы (а также артиллерия. – *Ред.*) господствовали на полях сражений Первой мировой войны до тех пор, пока идея применения танков не была воплощена в бронированной гусеничной машине, или танке – название, под которым она стала широко известна.

Но прежде чем это произошло, данная идея воплотилась в виде броневых автомобилей. Бельгийцы и французы быстро приспособили бронеавтомобили для сдерживания наступающей германской конницы. Тактика была нестандартной и зачастую определялась командиром отдельного бронеавтомобиля. Уинстон Черчилль, который часто быстро схватывал военные проблемы и при этом был весьма эмоционален, увидел естественное сходство между бронемашинной и самолетом. В результате авиация ВМС Великобритании задействовала дивизионы бронемашин для защиты передовых военно-воздушных баз, а также для спасения летчиков из сбитых или потерпевших аварию самолетов, тех, которые были вынуждены выбраться с парашютом на занятой врагом территории. Несколько независимых операций проводились на других фронтах отрядами британских, французских, бельгийских, русских и немецких бронемашин, но ни в одной из этих операций не прослеживалось какой-либо устоявшейся тактики или методики.

Когда в ходе войны на Западном фронте устоялась стабильная непрерывная линия фронта, это произошло потому, что артиллерия и пулеметы господствовали на поле боя так, как это и прогнозировали. Не было никаких флангов. С позиционной обороной и фронтальными атаками – единственной доступной базовой тактикой у каждой из сторон – оборона стала преобладать над наступлением. Обе стороны предпринимали массированные атаки пехоты, которым предшествовала длительная артподготовка. Боевые действия велись примерно по одному сценарию, и, за исключением локальных успехов, такая тактика себя не оправдывала, потому что обороняющиеся в период артподготовки прятались в подземные убежища, а после этого быстро занимали свои места в окопах, чтобы встретить огнем идущую в атаку вражескую пехоту. Даже в случае локального успеха фланги прорвавшего фронт вражеского клина были уязвимыми для контратак из-за непрерывности линии фронта, и часто понесшие большие потери атакующие части ограничивались занятием первой или второй линии обороны либо отходили на исходные позиции.

Бешеный огонь артиллерийской подготовки часто подрывал способность атакующих продолжать наступление, потому что их артиллерия не могла быть выдвинута вперед по местности, которая благодаря предыдущему обстрелу становилась почти непроходимой. В операции под Ироле 31 октября – 10 ноября 1917 года британцы израсходовали четыре с четвертью миллиона снарядов весом, наверное, в 107 000 тонн при предварительном обстреле и два миллиона снарядов в неделю в течение многих недель после этого, однако достигли лишь локальных успехов (потеряв 400 тыс. против 240 тыс. у немцев. – *Ред.*).

Немцы пытались сойти с мертвой точки в 1915 году посредством применения огнеметов, а затем отравляющих газов. Но их противники ответили тем же, и после локальных успехов положение стабилизировалось (только у каждого пехотинца теперь появился противогаз. – *Ред.*). Попытка британцев сдвинуться с мертвой точки состояла в использовании гусеничных бронемашин. Но они подобным же образом впустую раскрыли этот тщательно хранимый военный секрет, потому что при преждевременном использовании новой техники без обеспечения развития успеха решающий успех не может быть достигнут.

Использование британцами бронетехники впоследствии в целом было малоэффективным. Даже когда танков стало в избытке, политическое и военное давление приводило к их применению в неподходящих условиях. Это было верно и в отношении Франции. Тем не менее мало-помалу развивалась тактика применения бронетехники.

Создание механических устройств такой сложности, как танк, которое происходило под влиянием войны и шло просто от идеи, было выдающимся достижением. Французы первоначально видели эту идею в ликвидации проволочных заграждений (т. е. расчистке пути атакующей пехоте. – *Ред.*), но скоро пришли к пониманию (как это сделали и британцы), что требуется прежде всего защита своей атакующей пехоты от пулеметов врага. В ходе реальных боевых действий оригинальная конструкция танка претерпела сравнительно мало изменений, но при более продуманном подходе, возможном в мирное время, после Первой мировой войны одно за другим последовали усовершенствования, которые приобрели еще больший размах в ходе Второй мировой войны.

Тем не менее уже с 1918 года все еще находились люди, которые время от времени заявляли, что танк не нужен. Во время Второй мировой войны даже Уинстон Черчилль, который помог в 1915 году в создании танка, отмечал, что «танки себя исчерпали». И все же исход сражений до самого окончания Второй мировой войны главным образом решался бронетанковыми войсками. Количество русской бронетехники на Восточном фронте, в частности при наступлении русских войск на Берлин, было рекордно большим. (Так, в Висло–Одерской операции с 12 января по 3 февраля 1945 года участвовало 7 тыс. танков и САУ. За 20 дней было пройдено с боями 500 км, среднесуточный темп наступления составлял 25 км и доходил до 70 км; в Берлинской операции 16 апреля – 8 мая 1945 года, сокрушившей Германию, участвовало 6250 танков и САУ, 2126 из них были потеряны. – *Ред.*) Бросок Монтгомери для взятия Антверпена (3 сентября 1944 года. – *Ред.*) был подвигом (для англичан и американцев. – *Ред.*), равным более разрекламированному «завершающему пробегу» Паттона вокруг Парижа. Продвижение Паттона после форсирования Рейна было даже еще более эффективным и значимым.

После Второй мировой войны наступление эры ядерного оружия опять посчитали похоронным звоном по идее применения танков. В 1950 году и позже северокорейцы доказали, насколько не прав был американский министр обороны, когда в своей речи в Уэст-Пойнте в день присвоения ученых степеней назвал танк ненужным. И каждый раз, когда появляется новая ракета, слышишь те же самые прогнозы. Ракетами, как и всяким другим оружием, управляют люди, а людям свойственно ошибаться. Сам факт, что продолжают выпускать так много видов ракет, указывает на то, что они все еще далеки от совершенства. Что касается ядерных ракет, то в случае их будущего применения на полях сражений именно танки и бронемашины обеспечат значительную степень защиты людей от радиации и жара, как и от взрывной волны.

Биологическое и химическое оружие представляет опасность, но сегодня многие танки снабжены фильтрами, препятствующими попаданию вредных веществ в воздух, которым дышат экипажи машин.

Мы обычно считаем танк гусеничной машиной. Однако, вероятно, танк будущего станет совершенно другим в своей механической части и вполне может принять вид машины на воздушной подушке. Такие технологические усовершенствования просто, как всегда, сожмут пространственно-временные факторы войны, но не ее фундаментальные характеристики.

Внимательный взгляд в прошлое должен убедить даже скептиков в том, что идея применения танков, которая многократно называлась бесполезной, все же претерпела возрождение, все время доказывая свою ценность в бою. Она на самом деле не была ни возрождена, ни похоронена, кроме как в умах тех, кто так и не осознал, что танк – больше чем просто машина. Это – идея. Сами по себе танки просто набор деталей единого механизма. Мастерство и моральный дух танковых экипажей и гибкость ума тех, кто их направляет, – это то, что делает их эффективным боевым оружием.

Влияние авиации и танковых войск на ведение войны

Танковые войска могут быть составной частью более крупных общевойсковых подразделений или организованы в отдельную ударную силу со своими собственными вспомогательными отрядами, в том числе снабжения и ремонта, и использоваться так, как когда-то применялись большие массы конницы. Несмотря на то что успех сражения в конечном счете обычно зависит от того, насколько пехота способна удерживать захваченную территорию, иногда возникают ситуации, когда танковые войска могут повлиять на тактику боев местного значения – как во взаимодействии с пехотой, так и самостоятельно. Поэтому тактическая подготовка включает как действия танкового взвода (от трех до шести танков), так и тактику боя крупных танковых соединений – дивизий, корпусов или армий.

Крупные танковые соединения обычно имеют в своем составе пехоту, следующую на бронетранспортерах, а также самоходные артиллерийские установки и необходимые вспомогательные войска, такие как войска связи, инженерные, санитарные и снабженческие части. Такие крупные танковые соединения могут быть использованы для фронтальных наступлений, фланговых атак или наземных охватов точно так же, как для этого используются крупные пехотные соединения. У крупных пехотных соединений также есть свои собственные артиллерия и войска поддержки. Зачастую у них имеется и своя бронетехника. Воздушно-десантные части являются пехотными соединениями, перебрасываемыми на транспортных самолетах или планерах. Или же они могут быть высажены как парашютный десант (вместе с тяжелой техникой десанта). Когда бронетанковые войска являются частью воздушно-десантного соединения, они обычно выступают как часть наземного эшелона поддержки.

Другим видом крупного соединения является механизированное соединение, например дивизия. В своей основе это пехотное формирование, но оно в соотношении бронетехники и пехоты скорее является танковой, а не пехотной (хотя танков обычно меньше, чем в танковой дивизии) дивизией. Такие соединения обычно используются как отдельные, выполняющие самостоятельную задачу, или в качестве сил поддержки танкового соединения. Разновидностью механизированного соединения является такое, в котором пехота перебрасывается на вертолетах и которое обычно называют «воздушная кавалерия». Ее бронетехника, так же как в воздушно-десантных соединениях, может быть взята на борт вертолета, но чаще выступает как часть наземного эшелона поддержки. Последней разновидностью является дивизия тройного назначения, состоящая из танковой бригады, пехотной вертолетной бригады, воздушно-десантной бригады и подразделений поддержки.

Пехота в танковых частях считается их составной частью, а танковые и механизированные подразделения в пехотных частях – их штатными подразделениями. При любом типе более крупной части, будь то танковая, пехотная, механизированная, воздушно-десантная или «воздушная кавалерия», пехота в бою может прокладывать путь бронетехнике или же бронетехника может упростить или хотя бы облегчить задачу пехоты, в зависимости от условий в данный момент времени. Все вышеперечисленные войска могут быть передовыми, а также вступать в соприкосновение с противником одновременно.

Таким образом, танковые войска руководствуются теми же тактическими принципами, что и любой род войск, задействованный в бою с противником. В боевых действиях в пустыне, в Восточной, Западной, Центральной Европе во время Второй мировой войны танковые войска играли главенствующую роль; в горах Италии и Бирмы эта роль принадлежала пехоте и артиллерии; на островах Тихого океана этапы высадки десанта в конечном счете стали возможны с меньшими потерями через использование бронемашин-амфибий. Как только тот или иной род войск доминирует, другим отводится важная вспомогательная роль и роль взаимодействующего звена.

Бронетехника может быть использована шире чем как просто еще одна разновидность обычного вида вооружений и благодаря своей многофункциональности может найти применение и в качестве особых видов вооружения, в том числе самых неожиданных. Однако командующие часто проявляют отсутствие воображения или понимания технических возможностей различных вооружений в их взаимодействии друг с другом. Это негативно сказывалось на бронетанковых войсках, и даже за пятьдесят лет особых изменений к лучшему не произошло. Командующие, как правило, вводят танковые войска в бой частично, принижают их способности и специальное применение и либо ожидают от них невозможного, либо совершенно игнорируют их присутствие, короче говоря, нарушают тактические принципы, нарушать которые им бы и в голову не пришло в управлении другими войсками. Во время Второй мировой войны и даже в более недавнем прошлом есть много примеров, которые показывают, что командиры все еще мыслят исключительно категориями пехоты и артиллерии. Использование бронетехники и многих новейших вооружений все еще не стало для них второй натурой.

С другой стороны, использование военно-воздушных сил, очевидно, выкристаллизовалось в основополагающую концепцию. Помимо их использования для аэрофотосъемки и разведки, предусмотрено применение так называемой стратегической бомбардировочной и тактической авиации. Целью стратегических бомбардировщиков являются промышленные объекты страны, хотя во Вторую мировую войну они включали в себя и бомбардировки районов с мирным населением. Тактическое применение авиации включало в себя бомбардировку тыловых районов сражающихся армий, сосредоточений войск и им подобных целей, так же как и непосредственное взаимодействие с наземными войсками, вступившими в боевой контакт с противником, – как в наступлении, так и в обороне.

Немцы использовали мощь тактической авиации прежде всего в виде пикирующих бомбардировщиков вместо артиллерии в период блицкрига, потому что обычная артиллерия не всегда поспевала за темпом наступления, взятым германскими танковыми войсками. Корпус морской пехоты США также развил обеспечение тесной воздушной поддержки наземных сил до высокого уровня. Частично из-за некоторой обособленности видов вооруженных сил уровень воздушной поддержки сухопутных войск военно-воздушными силами США несколько ниже. Временами в период Второй мировой войны, когда пилоты воздушного армейского корпуса действовали в качестве наземных корректировщиков по выявлению целей, находясь в танках, результаты были чрезвычайно впечатляющими. В Корее уровень взаимодействия был низок из-за существования многих командных инстанций. Во Вьетнаме дела обстояли значительно лучше.

Все армии признают важность воздушной разведки, но иногда ей мешает плохая погода, и командование на время «слепнет». Наземная разведка танковыми подразделениями является удовлетворительной заменой в качестве ближней разведки, но она не может заменить собой воздушную в качестве дальней разведки.

Часто обращается внимание на то, что танки уязвимы для атак тактической авиации, но это – вопрос спорный. Это часто становилось очевидным во время Второй мировой войны и после. В случае, если танки сбились в кучу, или неподвижны на позиции сосредоточения, или же их застали в узком проходе или на слабом грунте, эффект от воздушной атаки может быть катастрофическим. Но там, где танки рассредоточены или действуют решительно и напористо, и там, где есть пространство для маневра, бронетехника не более уязвима с воздуха, чем любые другие войска.

Об этом спросили во время Второй мировой войны британского офицера-танкиста с трехлетним опытом боевых действий в пустыне. Он ответил: «Не знаю, является ли мой опыт типичным, но могу сказать, что меня бомбили с воздуха шесть раз – четыре раза королевская авиация и дважды немцы – и, как видите, я все еще жив».

Однако следует сказать, что появление бронетанковой техники в Первую мировую войну подняло боевой дух у союзников и понизило его у немцев, – даже если тактически бронетехника использовалась плохо. Союзники только начинали усваивать или скорее применять принципы ударной группы для танков (после битвы при Камбре), и лишь при подготовке планов на 1919 год предусматривалось применение проверенных на практике принципов ведения войны.

План на 1919 год на случай, если война все еще будет продолжаться, состоял в нанесении фронтальных ударов атакующими массами тяжелых танков для достижения прорывов, с локальной разведкой боем группами легких танков. За тяжелыми танками должны были следовать массы быстрых средних танков, устремляющихся через прорывы. Соединения легких танков-разведчиков должны были целиком сосредотачиваться на задаче проторения пути для машин снабжения при поддержке авиации, которая должна была также атаковать немецкие командные пункты и системы снабжения в тыловых районах.

Это был настоящий урок тактики Первой мировой войны, но он был реализован на практике позже – немцами. Победители сохранили в памяти только фактический опыт войны, то, как она велась – действия бронетехники в сопровождении пехоты. Послевоенная доктрина французов была по характеру оборонительной. Огневая мощь была во главе угла. Тактика виделась линейной – волна медленнодвигающихся танков и пехоты под прикрытием заградительного огня артиллерии при в высшей степени сложной и громоздкой системе командования и связи. Французская система не позволяла выявить слабые места противника или воспользоваться ими, когда они будут обнаружены, и не обеспечивала взаимодействия с авиацией.

Вот в основном какой была система тактики, которая также была принята и в других странах, включая Соединенные Штаты, хотя разведка и взаимодействие с авиацией обсуждались где угодно, только не во Франции. А военно-воздушные силы разных стран сорвались в свою собственную колею из-за теорий, с которыми выступал итальянский генерал Джулио Дуэ (1869–1930). Его теория ведения войны сводилась к тому, что бомбометание по площади, целью которого являются города противника, могло бы стать скорейшим способом завершения войны.

Первые противники этих тактических и стратегических методов появились в Англии, в первую очередь это был ныне покойный полковник (позднее он стал генерал-майором) Дж. Ф. Ч. Фуллер (1878–1966), один из авторов плана 1919 года.

Фуллер был первым, кто обобщил теорию применения танковых армий, и в его представлении война на суше была аналогична войне на море. В этот период в Англии предпринималась попытка отдать королевский танковый корпус под командование королевских военно-воздушных сил, но она успеха не имела. Вслед за Фуллером ныне покойный капитан Б. Г. (позднее сэр Базиль) Лиддел Гарт добавил концепцию «морской пехоты на танках» к танковой пехоте (десанту пехоты на танках), как часть идеи Фуллера о морских пехотинцах. Спустя многие годы эта концепция нашла воплощение у русских во время Второй мировой войны. В 1924 году Лиддел Гарт пошел дальше и предложил использовать бронетанковые дивизии с самоходными артиллерийскими установками во взаимодействии с авиацией и парашютистами как в ночных, так и в дневных операциях не в фронтальных атаках, а в прорыве для нанесения удара по штабам противника, для того чтобы парализовать коммуникации и управление. Эти теории были восприняты немцами, но в других странах только обсуждались.

К Фуллеру и Лидделу Гарту присоединились другие военные теоретики в Англии и некоторые – во Франции и Соединенных Штатах. Однако в отдельных случаях после Первой мировой войны, когда в бою применялись бронетанковые войска, они в основном следовали французской тактике. Экспериментальная танковая бригада, предложенная Фуллером в 1919 году, не материализовалась до 1926 года, но, после целого ряда перипетий, продолжала снабжаться колесными машинами, и маневры неизбежно устраивались в пользу обычных видов вооруже-

ний. Однако контроль при имитации боя осуществлялся по радио, что уже было достижением для танковых войск, в развитии которых британцы в 1930 году были, пожалуй, пионерами.

В послевоенный период отношение к танковым войскам часто было связано с предвзятым мнением, что танки будут лучше всего сочетаться с другими видами вооружений, но при этом никто не размышлял о том, как их лучше использовать. Противники танковых войск подняли большую шумиху вокруг того, что танки могут быть пробиваемы противотанковыми орудиями, но никогда не делали столь же очевидного сравнения между тонкой кожей человека и винтовкой. Как абсолютные энтузиасты танков, так и те, кто считали танки ненужными, мешали выработке оптимальной совместной тактики.

Дуайт Ф. Дэвис, в то время военный министр США, наблюдал британские механизированные войска на маневрах в 1927 году. По возвращении в Вашингтон он посоветовал генералу Чарльзу П. Саммераллу, начальнику штаба армии США, создать подобное формирование «не как часть пехоты или кавалерии, но как новый род войск». Это было сделано в июле 1928 года, но, по причине сложности его оборудования и недостаточно весомых результатов, возникли большие разногласия, и эти войска из-за недостатка средств в конечном счете созданы не были.

То, что британцы в 1928 году отказались от своих экспериментальных механизированных сил, вылило ушат холодной воды и на поборников танковых войск в Соединенных Штатах, но Адне Р. Шаффи, в то время майору в Генеральном штабе, удалось включить в бюджет 1931 года определенный фонд на новые войска. Последним официальным приказом генерала Саммералла до выхода на пенсию было распоряжение о создании и постоянном статусе механизированных сил как части кавалерии. Эти силы рассматривались скорее как техническая лаборатория, чем как тактическая часть. Но разногласия между родами войск (пехотой и кавалерией) и личное соперничество мешали прогрессу в единомыслии.

Британские эксперименты вскоре переняли и в Советской России, но те же препятствия (как и в Англии и США) в виде сложности организации существовали и там. В Германии, где танковые войска были запрещены Версальскими мирными договорами 1919 года, тактика этих войск вырабатывалась с использованием макетов или моделей танков (например, с использованием автомобилей). Немцы признавали важность плана союзников 1919 года и изучали его, развивая свою перспективную тактику танковых войск. Скорость и независимость действий танковых войск были выведены немцами как основная цель, но, как и в других странах, использование вспомогательных колесных машин снабжения приводило к неповоротливости танковых соединений. Однако создание войск, в которых все машины были бы гусеничными, было невозможным в свете ограничений по мирному договору и с учетом индустриальных мощностей Германии.

За инициаторами, Францией и Британией, последовали также Япония и Италия. Франция, наконец, сформировала легкие механизированные дивизии, но тактически они должны были действовать как составная часть кавалерии, и фактически в их состав входила конница. У французов также были подразделения тяжелых французских танков, которые должны были действовать как составная часть пехотных соединений. Британцы делали различие между танковыми частями, которые должны были сопровождать пехоту, и другими подразделениями более быстрых танков для ведения разведки. Немцы пришли к тому, что нашли роль, которую призваны выполнять танковые войска, а именно – осуществлять прорыв.

Гражданская война в Испании была благоприятной возможностью как для Германии, так и для России испытать оружие и тактику (хотя схватка России с Японией на границе Монголии и Маньчжурии имела большую значимость в этом отношении). Обе страны направили добровольцев в Испанию, как позднее это сделали Италия и, меньше, Франция. Бронетанковые войска приобрели в ходе этой войны значительную известность, большей частью не в их пользу. Искривленные донесения о сражении под Гвадалахарой 8 марта 1937 года (в этот день итальянский экспедиционный корпус, 40 тыс. человек, 120 танков, 200 орудий и 90 самолетов,

прорвал фронт республиканцев, но позже, к 22 марта, был разгромлен. – *Ред.*), имели огромное влияние на военную мысль по всему миру. Это сражение, а позднее сражение у Брунете (5—27 июля 1937 года) были искаженно представлены как исключительно боевые действия между военно-воздушными и бронетанковыми силами или между бронетанковыми войсками и противотанковыми силами. В результате почти в любой стране, помимо Германии и России, была принята точка зрения, что дни танков сочтены. Даже уже в 1939 году бригадный генерал Генри Дж. Рейли в статье «Испытательный полигон в Испании», помещенной в журнале «Армейская артиллерия», писал: «Сражение при Фирант– д'Эбро убедило обе стороны, что независимые танковые силы – иллюзия и что роль танка более скромна, но в высшей степени важна в поддержке наступления пехоты». Однако при Бильбао и в более поздних сражениях тактика удара головным бронетанковым отрядом по неширокому фронту, но на глубину при непосредственной поддержке с воздуха, которую использовал Франко с помощью немцев, оказалась чрезвычайно удачной.

Тактика, примененная в ходе Гражданской войны в Испании, предшествовала методам, использовавшимся немцами в наступлении на Польшу в сентябре 1939 года. Там танковым войскам отводилась главенствующая роль из всех прочих родов войск, включая авиацию, которая им подчинялась. Немцы господствовали в воздухе, превосходили в соотношении три к одному в пехоте (полтора к одному. – *Ред.*) и четыре к одному в бронетехнике. Глубокие, стремительные прорывы осуществлялись танковыми войсками при поддержке пикирующих бомбардировщиков, оборудованных завывающими сиренами. В то же время эти танковые группировки осуществляли охваты и окружения, а тяжелые германские бомбардировщики наносили удары по тылам.

Польская кампания была краткой генеральной репетицией вторжения в Нидерланды, Бельгию и Люксембург и Францию, которое произошло на следующий, 1940 год. Там сценарий повторился, но с фундаментальным отличием. На этот раз французские и британские бронетанковые войска численно превосходили немецкие. Но французские и английские танковые силы были в основном распределены по пехотным дивизиям для непосредственной поддержки пехоты – этот принцип оставался основой французской доктрины. Немецкая же тактика массированного танкового удара на узком участке фронта и при действиях пикирующих бомбардировщиков «Штука» в роли артиллерии полностью себя оправдала, и кампания вскоре была завершена (10 мая – 22 июня). (Полным разгромом союзников, потерявших 84 тыс. убитыми и 1 млн 549 тыс. пленными против 45,5 тыс. убитыми у немцев. – *Ред.*)

Из Франции война перекинулась в Ливийскую пустыню. Там тактика предусматривала выдвижение вперед артиллерии под защитой бронетехники, пехоты и противотанковых пушек. Немцы разработали систему заманивания британцев легкими танками, выдвигая их вперед в радиусе действий немецких танков с более тяжелым вооружением, которые затем старались нанести по британцам удар с флангов. Либо же британские танки попадали под огонь смертоносных немецких 88-мм орудий, которые совмещали в себе функции как зениток, так и противотанковых пушек. Позднее британцы стали применять сходную тактику. Каждая из сторон держала в запасе танковый резерв, который использовался для удара по флангам противной стороны. Поддержка тактической авиацией использовалась обеими сторонами, но, похоже, с большим успехом применялась немцами, потому что у них было более тесное взаимодействие с люфтваффе, чем то, которое демонстрировали королевские ВВС и сухопутные силы.

Бронетанковые войска США под командованием генерала Шаффи, сформированные за год до вступления Соединенных Штатов в войну, своим появлением отчасти обязаны германскому вторжению в Польшу. Существовавшие до этого пехота и кавалерия с танками и сопутствующие им части были объединены в новую силу, но проблема возникла из-за двух различных применяемых тактических концепций. Эти концепции сформировались за годы после Первой мировой войны. В этот период любое изменение, затрагивающее основы пехоты и

кавалерии, означало полную смену тактики и характера транспорта в каждом виде вооруженных сил. Кавалерия с самого начала противилась механизации в войсках, пока генерал Дуглас Макартур в бытность свою начальником штаба армии США не постановил, чтобы традиционная роль пехоты и кавалерии оставалась неизменной с приходом бронетехники.

Актом о национальной обороне 1920 года танки придавались пехоте, а танковый корпус, существовавший в Первую мировую войну, упразднился, танки отнесли к категории «боевых машин». Похожая законодательная уловка произошла во Франции. В Соединенных Штатах кавалерийский взгляд на мобильность в отношении бронетанковых дивизий возобладал, эти дивизии были сформированы уже по-новому, и роль пехоты в качестве сил сопровождения нашла свое воплощение при создании отдельных танковых батальонов. Это в основном совпадало с окончательным формированием структуры британской армии в виде бронетанковых дивизий и армейских танковых бригад.

Вскоре после того, как Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну, было создано соединение самоходных противотанковых орудий. Но во время войны истребители танков стали по своему внешнему облику приближаться к танкам, так же как и по тактике действий, либо использовались так же, как и обычная артиллерия, так что после войны произошло слияние командования самоходных противотанковых орудий с командованием бронетанковых войск.

Тактика американских бронетанковых войск во время войны во многом зависела от театра военных действий и опыта высших командиров в их использовании. Теоретическая концепция больше внимания уделяла мобильности, чем толщине брони, и все же на практике бронетанковые войска, обученные действовать мобильно, были подчинены действиям медленнодвигающихся штурмовых частей. В обществе ближе к концу войны много критиковали американские танки за их относительно тонкую броню. (Лобовая броня «Шермана», 76–51 мм, была толще, чем у Т-34, 45 мм, но существенно уступала лобовой броне «Тигров» и «Пантер», 100 мм и больше. – *Ред.*) Но этот критицизм был результатом парадоксального несоответствия между инструкцией по тактике и фактическим боевым применением. За исключением нескольких блестящих примеров практики (вслед за теорией) генералов Вуда и Паттона, танки все чаще и чаще использовались в основном для сопровождения пехоты. Действительно, после 1943 года стандартный корпус в армии США состоял из двух пехотных дивизий.

Тем не менее известно три важных вклада американцев в тактику бронетанковых войск. Первый состоял в использовании малых самолетов связи для обнаружения бронетехники противника, ее диспозиции и замаскированных противотанковых орудий, а также артиллерийских позиций. Второй вклад состоял в использовании джипов (в вооруженных силах его часто называют «пип»), которые также позволяют вести наземную разведку, а также используются для снабжения горячей пищей в бою и срочной эвакуации раненых. Третий вклад – в использовании бронетехники при высадке десанта на танках-амфибиях, хотя заслуга британцев в этой последней области намного выше.

Тактика, использовавшаяся немцами на русском фронте, вначале была такой же, какую они перед этим применяли в Польше и Франции. Она была успешной в местном масштабе, но провальной в целом. Пространства России были чрезвычайно обширны, а русские – многочисленны. Русские солдаты обладали большой выносливостью, позволявшей им преодолевать огромные расстояния в пешем порядке, чтобы избежать взятия в клещи. Кроме того, они были привычны к жизни на природе. Так что русские могли быть надолго отрезанными от своих баз снабжения, в то время как проблемы со снабжением у немцев возрастали по мере их продвижения вперед. К тому же русским, использовавшим партизанскую тактику, нередко удавалось отрезать моторизованные части поддержки немцев от их бронетанковых сил. В результате немцы посчитали необходимым делать бронированными кабины грузовиков и добавлять в их колонны бронемашину для защиты своих тылов от нападений партизан.

Был еще один фактор, который часто упускался из виду при анализе неудач немцев в России, по сравнению с более ранними их победами. Перед началом русской кампании немцы ослабили свои танковые дивизии, сократив в них число танков (однако ударная мощь германской танковой дивизии не уменьшилась благодаря большому количеству средних танков *Pz Kw III* и *Pz Kw IV*. – *Ред.*) и увеличив количество действующей вместе с ними пехоты (и число танковых дивизий. – *Ред.*). Это было сделано отчасти для того, чтобы заставить русских поверить, что у Германии гораздо больше танковых дивизий, чем было на самом деле, и отчасти из-за внутренних политических противоречий по поводу роли танков, по сравнению со штурмовыми орудиями, и отчасти из-за неспособности танкового производства восполнить потери. В 1939 году в большинстве немецких танковых дивизий было в среднем по 324 танка, к лету 1941 года – по 196 танков. К 1945 году это количество упало до сотни, лишь частично из-за потерь. Немцы в 1941 году использовали лишь 2434 (неверно. – *Ред.*) из своих 5264 танков, русские – 24 тыс. За три месяца русские потеряли 17 500 танков, а немцы – 550. (Согласно В. Мюллер-Гиллебранду, «Сухопутная армия Германии, 1939–1945», через два с половиной месяца боев в немецких танковых соединениях на Восточном фронте из 3387 танков (плюс 350 танков резерв ОКХ, танки резервных батальонов и штурмовые орудия) полностью вышли из строя 702 танка и 542 танка были в ремонте. Советские потери завышены, однако надо отметить, что при отступлении теряются не только уничтоженные, но и поврежденные танки, которые наступающая сторона может многократно ремонтировать. По другим данным, наши потери за три месяца составили около 10 тыс. танков. – *Ред.*)

Между прочим, любопытно, что как Англия, так и Соединенные Штаты реорганизовали большинство своих бронетанковых дивизий вслед за известием об этих изменениях у немцев. Это было сделано из-за веры в то, что изменения, которые произвели немцы, были продиктованы полученным ими опытом, в то время как на деле немцы сделали совершенно противоположное.

Русские уступали территорию в обмен на время. Их бронетехника использовалась в обороне и недостаточно эффективно, но они быстро учились, и, когда перешли в наступление под Сталинградом, у них было достаточно новых современных танков и они применяли такую же тактику, которую использовали немцы во время вторжения во Францию, и довольно широко. Основным танковым соединением у русских был танковый корпус, эквивалент западной или германской бронетанковой дивизии. Корпуса образовывали танковые армии, а танковые войска никогда не придавались пехотным армиям в роли особой ударной силы, но действовали независимо под непосредственным управлением Верховного командования.

Возможно, так было по той причине, что в Красной армии в целом не одобрялась личная инициатива. Операции часто сводились к тому, что подчиненным командирам выдавались карты, на которых цветными линиями были отмечены точные дороги, по которым должны были следовать их части и даже отдельные машины, и они должны были неукоснительно следовать приказам. Связь была плохой, а один раз заданный темп тяжеловесного по характеру движения был неизменным. Положение несколько улучшилось летом 1943 года, когда все танки были оборудованы радиосвязью, но это фактически скорее ужесточило, а не ослабило контроль.

Русские не приходили в смятение от тяжелых потерь и использовали военную хитрость. Сосредоточение у предполагаемого места атаки обычно происходило после наступления темноты. Обычным делом были отвлекающие атаки и оборудование ложных позиций. Русские часто устанавливали мины сразу после своей успешной танковой атаки для того, чтобы помешать контратакам. Артподготовка не была стереотипной. Она не следовала определенной схеме и всегда была основательной. Широко применялось просачивание перед атакой. В тактических целях применялись даже поджоги лесов.

Поскольку подчиненные командиры боялись отойти от планов, русская армия иногда совершала невозможное в болотах, грязи, в метели или сильные холода. Например, однажды немцы понадеялись, что река в глубоком ущелье послужит им защитой одного из флангов. Русские же переправились через это ущелье вместе с бронетехникой, соединив танки толстым буксирным канатом. Таким образом, в воздухе одновременно находились семь танков. Русские танки с вращающимися гусеницами спускали с одной стороны ущелья и перетаскивали на другой, куда их с помощью лебедки втягивали передовые группы, переправившиеся на противоположный берег с необходимым оборудованием.

Импровизация, способность к которой отличает русские войска, прекрасно вписывалась в логику их действий, но была зачастую губительна в своей неожиданности для немцев. Частично это происходило в силу того обстоятельства (об этом говорит опыт всех стран), что солдаты без навыка вождения автомобилем часто становятся лучшими водителями танков. Люди, привыкшие к осторожности и запретам при вождении автомобилей на патрулируемых полицией шоссе-магистралях, сталкиваются с трудностями в оценке и максимальном использовании мобильности на пересеченной местности (но только не русские трактористы за рычагами танка! – *Ред.*). Этим можно объяснить и управление бронетехникой северокорейцами в 1950–1953 годах. И этим можно объяснить, почему так часто бронетехника неграмотно применялась в прошлом с точки зрения командования. Оценка немцами боевого применения американцами бронетехники во время Второй мировой войны состояла в этом смысле в том, что американцы явно были привязаны к дорогам и старались избегать лесов и густых подлесков. Китайцы в войне в Корее придерживались того же мнения относительно склонности американцев организовывать все атаки по точно одному и тому же предсказуемому образцу. И по крайней мере для стороннего наблюдателя, бронетанковые войска во Вьетнаме также в значительной степени были явно привязаны к дорогам.

Как и в других армиях, у русских были небольшие резервы или они вовсе обходились без них, но старались подавить массой. Танки брали на борт пехоту и атаковали по широкому фронту волнами. Цель состояла в том, чтобы пробиться значительными силами в тылы врага. Тогда их действия можно было считать эффективными. Русские танки часто не ввязывались в бой с бронетехникой, артиллерией (прежде всего противотанковой) противника, оставляя их уничтожение своим самоходным артиллерийским установкам и штурмовой авиации.

Как русские, так и немцы в зимних операциях использовали бойцов на лыжах, по 4–5 на танк. Иногда за танком тянулись на прицепе бронированные сани, перебрасывавшие пехоту для атаки зимой. В любом случае пехота, сопровождающая танки, действовала не в темпе пеших солдат, а перемещалась тем или иным способом со скоростью бронемашин, становясь тем, что Лиддел Гарт как-то назвал «танковая морская пехота».

В первые дни Второй мировой войны в Соединенных Штатах бронетанковые войска были разрекламированы довольно широко. Эта реклама была зрелищной, и многие (как военные, так и гражданские) не сомневались в их успехе. Позднее на других театрах военных действий, где пространство для маневра было ограничено и командующий по старинке был привержен фронтальным атакам и использованию огневой мощи, те же самые люди резко меняли мнение, заключая, что бронетехника не нужна или в лучшем случае впредь годится только для действий малыми группами либо вместе с пехотой. Кураж пропал, и снова основное значение стала иметь огневая мощь. Почти как в Первую мировую войну, все повторилось снова – индустриальная мощь одной стороны противостояла индустриальной мощи другой.

Война на Тихом океане требовала применения тактики совершенно иного плана. Охват в действиях на море под названием «операция «Тишина» в Первой мировой войне, которая, хотя и была запланирована, никогда не осуществилась, давно был забыт, и помнили только о фиаско при Галлиполи (неудачная для союзников Дарданелльская операция 19.02.1915–9.01.1916 года. – *Ред.*). Однако изобретение танка-амфибии Дж. Уолтером Кристи в 1923 году дало тол-

чок запуску программы развития техники высадки десанта на вражеском берегу для корпуса морской пехоты США. Плавающий трактор Рёблинга 1930-х годов превращался в LVT или в гусеничную амфибию для операций десантирования Второй мировой войны. Эти машины вместе с десантным судном с небольшой осадкой были созданы первоначально для использования при десантировании войск в Норвегии (операция не была осуществлена) и в соединении с тактической поддержкой с воздуха (авиация) и моря (огонь корабельной артиллерии) сформировали основу для тактики, разработанной корпусом морской пехоты. Эта тактика позднее применялась также армией США в целом ряде операций высадки морского десанта, которые внесли большой вклад в боевых действиях на суше при поэтапном создании и расширении прибрежных плацдармов.

Ночной бой с использованием бронетехники применялся во Второй мировой войне, союзниками несколько раз, а русскими многократно. Обычно такие атаки проводились в лунные ночи, так чтобы танки и пехота неуклонно держались намеченного курса. Русские в ночных операциях широко использовали прожекторы и открыто пользовались огнями танков и машин. Сегодня большинство армий разработали активные и пассивные приборы ночного видения для использования на танках в ночном бою. (В конце войны, в частности в боях у озера Балатон в марте 1945 года, немцы наступали ночью, используя установленные на танках приборы ночного видения. – *Ред.*)

Военная мысль в Соединенных Штатах после Второй мировой войны возвращалась к тому, что уже было после Первой мировой войны, хотя пропаганде продолжали платить за восхваление «мобильности». Фактически, можно было провести параллель с тем, как был отвергнут план 1919 года, не осуществившийся в результате окончания Первой мировой войны, потому что его затмили операции, которые вели к принятию этого плана. Бронетанковые войска в Соединенных Штатах после Второй мировой войны считались ненужными, частично из-за принятия желаемого за действительное и пропаганды приверженцев военно-воздушных сил, а также из-за создания атомной бомбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.